

АЛ. СЕРГ. ГРУЗИНСКІЙ.

ПЕРЕСОПНИЦКОЕ БРЯНГЕЛІЄ,

КАКЪ ПАМЯТНИКЪ
ИСКУССТВА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ
ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ
ВЪ XVI ВѢКѢ.

(СЪ 5 РИСУНКАМИ И XI ТАБЛИЦАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

К І Е В Ъ.

1911.

18831 КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

+

Шифр Щ10/90 Инв. № 135166

Автор Трубинский Я. С.

Название Терекотникова
Сванские, как памятник...

Место, год издания Т., 1911

Кол-во стр. [2] 47, [5] с. : ил.

- " - отд. листов _____

- " - иллюстраций _____

- " - карт _____

- " - схем _____

Том _____ часть _____ вып. _____

Конвюлют _____

31.05.93

Примечание:

1999

25.12 - 69459

2005

14.04 - 10033

2008

30.05 - 9197H

В15914

Щ10
Г90

АЛ. СЕРГ. ГРУЗИНСКІЙ.

ПЕРЕСОПНИЦЬОЄ СВЯТГЕЯІЄ,

КАКЪ ПАМЯТНИКЪ
ИСКУССТВА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ
ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ
ВЪ XVI ВѢКѢ.

(СЪ 5 РИСУНКАМИ И XI ТАБЛИЦАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

К І Е В Ъ.

1911.

Державна
Республіканська
БІБЛІОТЕКА УРСР
Ім. КПРС

К. м. 135166

93

ПЕРЕСОПНИЦКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ КАКЪ ПАМЯТНИКЪ ИСКУССТВА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІА ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ ВЪ XVI ВѢКѢ

I.

ИСТОРИЯ РУКОПИСИ.

АГАДОЧНА судьба этого Евангелія: не совсѣмъ выяснено его возникновеніе, любопытна его дальнѣйшая исторія, таинственна связь его съ именемъ гетмана-романтика Ивана Мазепы и, наконецъ, чрезвычайно характерна его позднѣйшая исторія. „На день оуспенія пресвятыя нашеа богородица и присно дѣвы Маріа“ — т. е. 15 августа 1556 года, по свидѣтельству приписки, была закончена — „пръна (первая) часть наоуки читаня“... „в дво^рци монастыри Жеславскомъ при церкви святыхъ и живоначальныхъ Тройцѣ“. А такъ какъ „наоука читаня“ въ этой рукописи предшествуетъ самому евангельскому тексту и тѣсно примыкаетъ къ нему, то можно считать, что *въ этотъ день было начато письмомъ* знаменитое Пересопницкое Евангеліе.

Какой же это былъ монастырь? Чтобы избѣжать различныхъ недоразумѣній, для рѣшенія этого вопроса необходимо обратиться къ одному акту, записанному въ Евангеліи первой половины XVI вѣка и скрѣпленному соответствующими подписями и перстневыми печатями пяти свидѣтелей.

Изъ этого акта можно видѣть, что почти за два мѣсяца передъ интересующимъ насъ событіемъ, — а именно — 12 іюня того же 1556 года, въ жизни монастыря произошло важное событіе иного характера: „Я — князь Янушъ (Иванъ) Козминичъ Жеславскій (Заславскій)“ — читаемъ мы въ этомъ актѣ: — „пополняячи волю небожчика князя его милости отца моего“... „весполокъ (вмѣстѣ) съ ея милостью маткою моею кнегинею Настасею Юрьевною Гольшанского“... „надаемо тыи имѣнія“ — „што жъ отецъ мой небожчикъ

князь Козма Ивановичъ Жеславскій мѣлъ (имѣлъ) надати монастыру *нашему Дворецкому ку церкви святой Троицы*¹⁾.

Имѣнія эти составляли четыре села: 1) село *Дворецъ* „съ ставомъ и млыномъ“, 2) село *Волыжницѣ*, 3) село *Завадницѣ* и 4) село *Сенюшки*. — „зо всѣми данинами грошовыми, землею бортною, даниною медовою и бобровыми гоны“²⁾.

Такъ какъ князь Заславскій говоритъ здѣсь о Дворецкомъ монастырѣ, о с. Дворцѣ и упоминаетъ о своей матери, княгинѣ Жеславской-Гольшанской, которая дала средства на созданіе интересующаго насъ памятника, то въ этомъ документѣ мы имѣемъ прямое, полное и современное разъясненіе записи Пересопницкаго Евангелія о Дворецкомъ монастырѣ св. Троицы³⁾.

Очевидно, во время, совпадавшее съ благоустроеніемъ Дворецкаго монастыря, и въ кругу лицъ, упоминаемыхъ въ грамотѣ, возникла мысль написать такое Евангеліе, которое бы *шло навстрѣчу потребностямъ своего времени по языку*, съ внѣшней же стороны оно должно было представлять цѣльное и прекрасно задуманное художественное произведеніе. Такъ какъ инициатива принадлежитъ Дворецкому монастырю, то это Евангеліе съ такимъ же правомъ можно было бы называть *Дворецкимъ*, сколько и *Пересопницкимъ*.

По причинамъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, это Евангеліе не успѣли закончить перепиской въ с. Дворцѣ, и переписчику, повидимому, вмѣстѣ съ авторомъ перевода пришлось перейти *отъ сына* княгини Заславской-Гольшанской въ другой монастырь, въ Пересопницу, „къ зятю ея милости княгини“ Настасьи. Очевидно, туда же, къ дочери, къ князьямъ Чарторыйскимъ, переѣхала и сама княгиня.

Авторъ перевода Евангелія, архимандритъ Григорій, былъ, повидимому, человѣкъ очень образованный для своего времени. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ зналъ много языковъ: славянскій, современный ему литературный южно-русскій, польскій, латинскій, чешскій; возможно, что зналъ онъ греческій и нѣмецкій. По словамъ человѣка, близко знавшаго его, онъ „не любилъ злата и серебра тлѣющихъ, але имѣлъ любовь и прилежаніе

1) Любопытно отыскать это Евангеліе. Оно хранится въ Петербургѣ въ Имп. Публичн. Библіотекѣ. Къ сожалѣнію, значекъ его намъ не извѣстенъ. Указаніе на него, какъ и самый актъ, которымъ мы пользуемся, находится въ „Актахъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи“, т. I, стр. 140 (№ грамоты—131).

2) Обычная прежняя форма дарственной записи.

3) Для большей крѣпости этотъ актъ „зволнвшея, казали въ Евангеліи записати“. (См. тамъ же).

къ божественному писанію, о которое просилъ Господа Бога въ дне и въ ноци такъ мовячи:

— „Господи, сподоби мене видѣти дѣла сего конецъ!“

Конецъ этого дѣла наступилъ лишь 29 августа 1561 года въ Пересопницкомъ монастырѣ, т. е. черезъ 5 лѣтъ послѣ начала, и намъ становится понятна молитва этого кроткаго и смиреннаго архимандрита Григорія, „для (ради) пилности и любве котораго эта книга совершилася“¹⁾.

Самый оригиналь, съ котораго списывалось Пересопницкое Евангеліе, или, точнѣе, авторская рукопись архимандрита Григорія была написана, очевидно, современной южно-русской скорописью. Этимъ можно объяснить нѣкоторыя ошибки, пропуски и неисправности въ Дворецко-Пересопницкомъ спискѣ, прекрасно выполненномъ съ внѣшней стороны.

Позже это Евангеліе породило рядъ другихъ списковъ. Изъ нихъ намъ извѣстны два главнѣйшихъ: *полный* Волынскій списокъ, составляющій собственность прот. Трипольскаго (въ Житомирѣ), и *отрывокъ* изъ Лѣтковскаго Евангелія²⁾. Первый былъ сдѣланъ 10 лѣтъ спустя послѣ окончанія Пересопницкой рукописи, а второй — въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка (1595—1600 г.). Вполнѣ допустимо, что сохраняются гдѣ либо и другіе списки, особенно въ Галиціи.

Сто лѣтъ спустя Иванъ Мазепа, способствуя выбору „коадьютора“ (помощника) престарѣлому кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, подготовлялъ ему кафедрѣ въ г. Переяславѣ. Съ этою цѣлью Мазепа, „обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и чина св. ап. Андрея кавалеръ“, соорудилъ въ этомъ городѣ Вознесенскій монастырь и кафедральный соборъ и въ этотъ соборъ прислалъ 17 апрѣля 1701 года знаменитое Пересопницкое Евангеліе (см. на таблицѣ I — слова позднѣйшей записи на Евангеліи). Какимъ образомъ Мазепа узналъ про это Евангеліе, — неизвѣстно.

Такъ какъ въ зданіи Вознесенскаго монастыря позже помѣщалась Переяславская духовная семинарія, то рукопись попадаетъ въ бібліотеку этой послѣдней. Здѣсь его, по указанію мѣстнаго викарнаго епископа, находитъ извѣстный славистъ и магистръ Московскаго университета *Бодянскій*, и съ тѣхъ поръ оно становится достояніемъ науки. Бодянскій бѣгло описываетъ его въ донесеніи г. Министру народнаго просвѣщенія: „величиной слишкомъ

¹⁾ Все цитаты заимствованы изъ приписки въ концѣ Пересопницкой рукописи.

²⁾ См. *А. С. Грузинскій*. Изъ исторіи перевода Евангелія въ Южной Россіи въ XVI вѣкѣ. (Чтенія Общества Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ—за 1910 годъ).

полъ аршина, оправлена въ доски, обитыя малиновымъ (?) бархатомъ, изъ коихъ уцѣлѣла только одна первая; писано прекраснымъ большимъ уставомъ, весьма хорошими чернилами; всѣхъ листовъ въ немъ 482⁴.

Касаясь далѣе орнамента и стиля изображеній, Бодянскій пишетъ: „стиль изображенія очень похожъ на чешскій, сколько могу судить по наглядному сравненію ихъ съ видѣнными мною въ Пражскомъ Народномъ Музеѣ подобнаго же рода изображеніями“¹⁾.

Въ слѣдующей по времени любопытной замѣткѣ *А. Терещенко* „О евангеліи княгини Жеславской“ (1861 г.) мы находимъ правильное чтеніе — „Дворци-монастыри“²⁾; кромѣ того, имъ же сдѣланы замѣтки о внѣшней сторонѣ рукописи и объ орнаментаціи.

„Изображенія четырехъ евангелистовъ, говоритъ онъ, находящіяся противу каждаго начальнаго евангелія, не отличаются искусною кистью, но представлены съ обыкновенными своими символами; мѣстами разрисованы и усыпаны золотомъ, вокругъ же окаймлены цвѣтчною съ золотомъ рамкою. Вообще, золото и цвѣты разсыпаны щедро. Буквы же передъ каждымъ началомъ разрисованы; писаніе вездѣ чистое и отчетливое, мѣстами раскрашено киноварью. Тщательное повсюду писаніе и украшенія его принадлежатъ къ щедротамъ княгинь (?) Жеславской и Гольшанской (sic!)“³⁾.

Въ 60-хъ годахъ XIX ст. Переяславская семинарія переходитъ въ Полтаву, и вмѣстѣ съ нею переходитъ и Пересопницкое Евангеліе.

Свящ. *Думитрашко* описалъ эту рукопись⁴⁾ и въ видѣ приложенія помѣстилъ два снимка, совершенно неточныхъ и сдѣланныхъ литографскимъ способомъ. Онъ, между прочимъ, увидѣлъ въ рукописи доказательство противу-раскольническаго характера въ начертаніи имени „Иисусъ“: Іѹ.

Болѣе всего потрудился надъ Пересопницкою рукописью маститый Кіевскій ученый *П. И. Житецкій*. Онъ написалъ рефератъ и сдѣлалъ болѣе подробное описаніе Пересопницкой рукописи⁵⁾ съ большими извлеченіями изъ текста и приложеніемъ ряда снимковъ, которые даютъ хотя и не совсѣмъ

¹⁾ См. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ. 1838 годъ, кн. V, стр. 395—400, статья *Бодянскаго*: Донесеніе Министру народнаго просвѣщенія отъ 23 марта 1838 года.

²⁾ У *Житецкаго* позже (1873 г.) читается ошибочно: „дивоци (=женскій)“.

³⁾ См. Библиографическія Записки 1861 годъ, т. III (стр. 457—467) ст. *А. Терещенко*.

⁴⁾ См. Полтав. Епарх. Вѣдомости, 1872 годъ свящ. *А. Думитрашко*. Замѣчательная рукопись Полтавской Духовной Семинаріи.

⁵⁾ См. Труды III археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, 1874 г., т. II. Житецкій П. И. Описаніе Пересопницкой рукописи (имѣется въ продажѣ отдѣльный оттискъ въ маг. Кіевской Старины).

точное, но довольно полное понятіе о характерѣ почерка рукописи. Но въ смыслѣ изученія художественной стороны и г. Житецкимъ было сдѣлано очень мало. Такъ напримѣръ, полемизируя съ о. Думитрашко относительно стилия орнамента, онъ пишетъ:

„Пересопницкіе бордюры ... не могутъ относиться къ византійскому стилю. Мы думаемъ, что своеобразность рисунковъ (собственно рамокъ или бордюровъ) заключается не столько въ композиціи, сколько въ содержаніи— въ нихъ представлена большею частію мѣстная флора“.

Мы увидимъ впоследствии, въ какой мѣрѣ были правы оба описателя рукописи. Во всякомъ случаѣ недостаточность анализа художественной стороны легко объясняется недостаткомъ опубликованнаго художественнаго матеріала по исторіи орнамента и искусства въ XVI вѣкѣ. За послѣднія 35 лѣтъ накопилось такого матеріала достаточно, и благодаря тому уже возможно стать на болѣе правильный путь.

Обратимся къ дальнѣйшей исторіи рукописи. Любопытныя свѣдѣнія относительно странствованій этой рукописи мы находимъ у Драгоманова¹⁾:

„Въ 1873 году Полтавскій Архіерей... представилъ рукопись проѣзжавшему тогда Министру народнаго просвѣщенія и Оберъ-прокурору Св. Синода графу Д. А. Толстому“. „Комитетъ по устройству въ Кіевѣ археологическаго съѣзда и выставки обратился къ Полтавской семинаріи съ просьбой доставить ему на время этотъ замѣчательный памятникъ. Конференція семинаріи соглашается, но архіерей заявляетъ, что рукопись предоставлена имъ въ распоряженіе графа Толстого, а потому и не можетъ быть отправлена въ Кіевъ. Комитетъ обращается къ графу, но получаетъ тоже отрицательный отвѣтъ, мотивированный тѣмъ, что *графъ Толстой доложилъ о рукописи Государю, который повелѣлъ представить рукопись на Высочайшее воззрѣніе“*.

По словамъ же Житецкаго²⁾, Полтавское духовенство, подарило это Евангеліе въ собственность Великому Князю Петру Георгіевичу, принцу Ольденбургскому, который интересовался предметами, относящимися къ эпохѣ Петра Великаго (на Евангеліи, мы знаемъ, была записъ Мазеши, современника Петра Великаго).

Лишь послѣ кончины великаго князя († 1881 г.) при содѣйствіи его Августѣйшей супруги — оно было возвращено въ бібліотеку Полтавской духовной семинаріи, гдѣ оно и хранится въ настоящее время.

¹⁾ См. Драгомановъ. Сочиненія, т. II. Парижъ, 1906 года. Изд. Société nouvelle de librairie et D'Édition (Примѣчаніе къ стр. 579).

²⁾ Мы слышали это отъ самого г. Житецкаго.

Теперь епархіальное и семинарское начальство весьма дорожитъ рукописью и не посылаетъ ее даже на археологическіе съѣзды изъ боязни, чтобы оно не потерялось.

Послѣ возвращенія рукописи изъ Петербурга (въ 1887 г.) ею воспользовался г. *Стасовъ* для своего монументальнаго изданія по исторіи орнамента. Онъ посвятилъ этой рукописи двѣхъ двѣ таблицы снимковъ въ краскахъ¹⁾, извлекая изъ нея наиболѣе интересные мотивы. Однако, ни одинъ крупный орнаментъ не былъ представленъ полностью, а потому изъ снимковъ *Стасова* нельзя получить надлежащаго представленія о художественной сторонѣ рукописи. Очень важнымъ недостаткомъ изданія Стасова нужно считать *пропускъ миниатюръ Евангелистовъ* (хотя миниатюрная живопись и не входила въ задачу Стасова). Цвѣта красокъ нѣсколько отличаются отъ оригинала, и самый рисунокъ орнамента въ изданіи Стасова сдѣланъ, повидимому, отъ руки, а потому не совсѣмъ точенъ. Невозможно также составить общее впечатлѣніе отъ орнамента.

Тогда же (въ 1888 г.) проф. *Владиміровъ* опубликовалъ нѣсколько весьма цѣнныхъ замѣчаній о языкѣ Пересопницкой рукописи.

Въ самое послѣднее время опять усилился интересъ къ Пересопницкому Евангелію. Въ 1906 году *П. И. Житецкій* снова выступаетъ со статьей

¹⁾ См. *В. Стасовъ*: Славянскій и Восточный орнаментъ. Табл. XLVI и XLVII (объяснительный текстъ см. стр. 16—17). Таб. XLVI сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Четвероевангеліе („Пересопницкое“) 1556—1561 г.г. Библиотека Полтавской Духовной Семинаріи, въ л. пергам. („Писалъ Михаилъ Васильевичъ, сынъ протопопы зъ Санока“, въ монастырѣ св. Троицы, въ Жеславѣ (?) [Изяславль, Жеславль, нынѣ Заславль—городъ нынѣшней Волынской губерніи (sic!)]. Долгое время эта рукопись находилась въ Пересопницкомъ монастырѣ (Пересопница—мѣстечко на Волыни, между городами Ровномъ и Луцкомъ).

1, 2, 3. Орнаментальныя рамки вокругъ изображеній евангелистовъ: Луки, Іоанна и Матоея. 4. Часть рамки на 1-мъ л. еванг. отъ Іоанна. 5, 6, 7. Орнаменты въ концѣ еванг. отъ Іоанна. 8, 11. Орнаментъ на об. л. содержащаго „Сказаніе о главахъ и зачалахъ“. 9. Орнаментъ въ концѣ книги. 10. Заставка передъ „Премовой“ къ еванг. отъ Іоанна. 12. Заставка передъ „Премовой“ къ еванг. отъ Луки.

Таб. XLVII. (Сопроводительный текстъ такой же, какъ и въ предыдущ. таблицѣ).

1. Заставка передъ еванг. отъ Матоея. 2, 3. Части орнаментальныхъ рамокъ вокругъ изображенія евангелистовъ Марка и Луки. 4. **З**. л. въ началѣ еванг. отъ Марка. 5. Орнаментъ въ концѣ книги. 6. Заставка передъ мѣсяцесловомъ, послѣ еванг. отъ Іоанна. 7. **А**—въ началѣ предмовы передъ еванг. отъ Луки. 8. **П**—л. л. 55, 65, въ евангеліи отъ Матоея. 9. **С**—л. л. 48, 76, тамъ же. 10. **С**—л. 4 об. тамъ же. 11. **М**—л. 28, тамъ же. 12. **М**—л. 73, тамъ же. 13. **П**—л. 98, въ еванг. отъ Іоанна (?). 14, 15, 16. Орнаменты на оборотѣ листа, содержащаго „Сказаніе о главахъ и зачалахъ“.

„О переводахъ Евангелія на малорусскій языкъ“¹⁾. Ю. И. Тиховскій читаетъ доклады на Харьковскомъ и Черниговскомъ археологическихъ съѣздахъ о взаимоотношеніи учительныхъ Евангелій съ Пересопницкимъ²⁾, и о самомъ Пересопницкомъ Евангеліи — въ засѣданіи полтавскаго Церковно-Археологическаго Комитета.

По порученію Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества г. Соколовскій изучаетъ Пересопницкое Евангеліе со стороны языка; и, наконецъ, въ кіевскомъ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца въ теченіе 1909—1910 года было сдѣлано нѣсколько докладовъ относительно различныхъ сторонъ этой рукописи: см. доклады г. г. И. М. Каманина, проф. Г. Г. Павлуцкаго и А. С. Грузинскаго³⁾.

Лѣтомъ 1910 года, во время поѣздки съ научною цѣлью, этимъ же Евангеліемъ интересовался въ Полтавѣ семинарій русской филологіи проф. Кіевскаго университета В. Н. Перетца⁴⁾, о чемъ авторомъ настоящихъ строкъ были сдѣланы докладъ 22 сентября 1910 г. въ этомъ семинаріи. И, наконецъ, въ августѣ 1910 года, при любезномъ содѣйствіи преподавателя Полтавской духовной семинаріи В. А. Пархоменко, Пересопницкая рукопись на нѣсколько дней снова была доставлена въ Кіевъ въ редакцію журнала „Искусство и Печатное дѣло“. При этомъ редація по распоряженію редактора В. С. Кульженко сдѣлала рядъ художественныхъ снимковъ, какъ съ цѣльнаго орнамента, такъ и съ миниатюръ. Такимъ образомъ, настоящее изданіе является первымъ по времени по возможности полнымъ изданіемъ рукописи съ художественной стороны.

Такова въ общихъ чертахъ внѣшняя исторія и судьба изученія этого памятника.

Появившись на Волыни въ XVI вѣкѣ, какъ результатъ религіознаго подъема *съ идейной стороны*, и какъ результатъ эстетическаго вліянія эпохи Возрожденія—*съ художественной стороны*,—это Евангеліе заинтересовало многихъ лицъ: отъ скромныхъ тружениковъ науки до извѣстныхъ ученыхъ, отъ „люду посполитого“ до сановниковъ и Августѣйшихъ Особъ.

1) См. Извѣстія второго Отдѣленія Русскаго языка и словесности Император. Акад. Наукъ, т. X, кн. 4 (1906 г.).

2) См. „Труды“ названныхъ (XII и XIV) археологическихъ съѣздовъ.

3) См. *Отчеты о засѣданіяхъ этого Общества* въ газетѣ „Кіевлянинъ“ за 1909 годъ № 329 отъ 29 ноября и за 1910 годъ № 290 отъ 20 октября.

4) См. В. Н. Перетцъ. Отчетъ объ экскурсіи семинарія русской филологіи въ Полтаву и Екатеринославъ. 1—9 іюня. Кіевъ. 1910 г. (стр. 10—13).

Рис. 1. Польскій орнаментъ (Przywilej Opatowski 1519 г.). 1/2 натур. величины.

II.

ОРНАМЕНТИКА.

Главною цѣлью настоящаго очерка является давно назрѣвшая необходимость представить точное описаніе орнамента Пересопницкой рукописи, произвести анализъ орнаментальныхъ мотивовъ, выдѣлить разнородныя стихіи, отразившіяся здѣсь подъ вліяніемъ западнаго искусства эпохи Возрожденія, сблизить художественную внѣшность рукописи съ извѣстными славянскими, русскими и западно-русскими рукописями.

Въ поискахъ такой культурно-исторической связи намъ пришлось уже въ другой работѣ коснуться вопроса о взаимоотношеніи самаго перевода Евангелія на „мову русскую“ съ другими славянскими переводами. Полагаемъ, что и въ этой области, въ области исторіи южно-русскаго искусства, необходимо идти тѣмъ же медленнымъ и осторожнымъ путемъ сравнительныхъ разысканій, чтобы достигнуть какихъ нибудь прочныхъ результатовъ. Если при этомъ намъ удастся также обнаружить замѣчательное по истинѣ художественное единство въ замыслѣ и исполненіи *внѣшней стороны Пересопницкой рукописи*, то можно будетъ считать нашу задачу достигнутой.

Самая эпоха, къ которой относится Евангеліе, имѣетъ жгучій интересъ во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ и въ взаимоотношеніи и скрещеніи художественныхъ силъ, породившихъ этотъ памятникъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ идейное воодушевленіе, самый языкъ, государственный укладъ и строй жизни *на Волини*, если мы раземотримъ только теченія въ области исторіи искусства, даже еще тѣснѣе—искусства миниатюры и орнаментаціи, то и это будетъ по своему существу большая задача. Но здѣсь же необходимо придется затронуть и вопросъ о графикѣ, *о почеркѣ*,—загадочномъ, таинственномъ почеркѣ, разнообразіе котораго не знаетъ себѣ равнаго во всемъ древнемъ графическомъ искусствѣ Россіи.

Оживлять искусною рукою кропотливое дѣло рукописанія при помощи орнаментики и миниатюръ, прилагать къ нимъ попытки удовлетворенія художественныхъ запросовъ души—все эти явленія породили на Западѣ (отчасти и на Востокѣ) цѣлыя школы миниатюристовъ. Въ южно-русскомъ искусствѣ повидимому раньше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, замѣчается вкусъ къ богатымъ формамъ Возрожденія. Это было въ XVI в. уже дѣломъ моды¹⁾.

Мы уже знаемъ исторію возникновенія Пересопницкой рукописи. Имѣемъ даже возможность подозрѣвать, кто былъ *писецъ* рукописи. Но кто былъ художникомъ орнаменталистомъ? Пересопницкая рукопись на это не даетъ прямого отвѣта. Въ ней чрезвычайно много заставокъ, инициаловъ, отъ простѣйшей древнѣйшей формы до сложной византійской, геометрической и т. д. Разсматривая отдѣльно каждую такую орнаментальную единицу, можно было бы указать довольно много параллелей въ сѣверно- и южно-русскихъ, молдавскихъ и славянскихъ рукописяхъ. Элементы эти—контурныя окаймленія, ленточныя плетенія съ золотыми ободками встрѣчаются въ большомъ количествѣ²⁾.

Оригинальную особенность составляетъ примѣненіе перспективы въ буквѣ В и употребленіе чисто архитектурныхъ формъ въ изображеніи другихъ буквъ (столбы съ аркой въ буквѣ П). Есть также довольно много слѣдовъ и чудовищнаго стиля въ инициалахъ. Въ одномъ случаѣ (въ заключительной заставкѣ) видимъ стилизованные дубовые листья и жолуди. Но главное содержаніе орнамента Пересопницкой рукописи представляютъ собою *растительные мотивы*, относящіеся къ эпохѣ Ренессанса. Любопытно,

¹⁾ См. *Sprawozdania Komisji do badania Historyi Sztuki w Polsce*. W Krakowie. т. V, стр. 75. Mar. Sokolowski. „Miniatury włoskie biblioteki Japellońskiej i modlitewnik francuski ks. Samuela Sanguski“: „Miniaturami jednak podobnemi zdobione byly nietylko kościelne, ale zarówno książki naukowe i świeckie. W XIV w. bylo *modą i obowiązkiem nieledwie każdego młodego człowieka, dbającego o opinię swych towarzyszy, illuminowanie kodeksu, który służył mu do nauki. Stawalo się warunkiem wykwiintności, elegancji i że tak powiemy, średniowiecznego szyku*... „Odofredus, w komentarzach prawnych, cytował wypadek o synu, któremu ojciec, wysyłając go do nauki, przeznaczył 100 liwrow na rok i dał do wyboru Bolonię lub Paryż. Syn wybrał świętniejszą stolicę Francji, *lecz kazał malować i złocić zanadto często swe rękopisy i sprawiał sobie nowe obuwie co sobota, wskutek czego przyszedł do ruiny*“.

²⁾ Такъ, напримѣръ, въ Патерику Печерскомъ 1554 года (въ библиотекѣ Кіев.-Печер. Лавры) мы встрѣчаемъ точно такую же *заставку* на первомъ листѣ, какъ и на первомъ листѣ Пересопницкой рукописи.

что такое смѣшеніе стилей въ орнаментнѣхъ отмѣчено для французскихъ рукописей уже въ IX—X вѣкѣ¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ заставокъ, инициаловъ и т. п., обратимся прямо къ описанію и анализу орнаментныхъ мотивовъ, находящихся въ широкихъ рамкахъ или бордюрахъ въ 50^ш/^ш ширины. Бордюры эти окаймляютъ изображеніе Евангелистовъ или находятся на каждомъ заглавномъ листѣ текста отдѣльнаго Евангелія. Средняя длина и ширина бордюра въ Пересопницкой рукописи, соответственно длинѣ и ширинѣ пергаминаго листа, равна 330^ш/^ш × 200^ш/^ш. Всѣ рисунки выдѣляются на сплошномъ золотомъ фонѣ.

Всматриваясь въ эти рамки или окаймленія, мы должны отмѣтить прежде всего, что каждый орнаментъ представляетъ изъ себя одно законченное и стройное художественное цѣлое; въ каждомъ изъ нихъ можно найти опредѣленный замыселъ художника. Особенный художественный интересъ представляетъ собою орнаментъ вокругъ *изображенія евангелиста Матѳея*. (См. таб. II). Поэтому мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Начинается онъ внизу, посрединѣ нижней стороны рамки, изъ корзины или вазы, стоящей на четырехгранной маленькой подставкѣ. На передней сторонѣ этой подставки находится надпись, сдѣланная золотомъ: буквы—*ϠΦΠΣ* (=1556 г.). На это необходимо обратить особое вниманіе, между тѣмъ, какъ до сихъ поръ эта дата почему то ускользала отъ вниманія палеографовъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ орнаментъ, умышленно датированный самимъ художникомъ²⁾.

¹⁾ Въ рукописяхъ, написанныхъ для Карла Великаго и его преемниковъ, „головы животныхъ помѣщаются преимущественно въ окончанія. *Ленточная плетенка* сперва становится роскошнѣе, красочнѣе, но потомъ листовенный орнаментъ, подражающій акавою, постепенно вытѣсняетъ въ окончаніяхъ какъ плетенку, такъ и головы животныхъ“. (См. Верманъ. Истор. Искусствъ т. II, стр. 132).

²⁾ Очень характерно то обстоятельство, что на печатномъ портретѣ доктора Скорины *наверху* на колечкѣ, среди вѣвка изъ дубовыхъ листьевъ и жолудей, находится также четырехугольная дощечка съ надписью *ϠΦΠΣ* (1517 г.). См. книгу *Владимірова*. Докторъ Францискъ Скорина: портретъ Скорины (въ началѣ книги). Орнаментика вокругъ изображенія евангелиста Матѳея можетъ быть сблизена въ Пересопницкой рукописи также съ изданіями Скорины (1525 г.): нижняя часть орнаментальной рамки похожа очень *въ контурѣ* на заставку въ „Малой подорожной книжкѣ“ Скорины. Здѣсь мы какъ разъ встрѣчаемъ систему двухъ вѣтокъ, выходящихъ изъ вазы. См. Сборникъ снимковъ съ славяно-русскихъ старопечатныхъ изданій. *С. Л. Пташицкій*, изд. Р. Р. Голике. С.-Петербургъ, 1895 г. Табл. VII. „1525 г. Малая подорожна книжка“ — верхняя заставка въ этой книгѣ, напечатанной Скориною въ Вильно (последнее его изданіе).

Изъ корзины выходятъ двѣ длинныхъ вѣтви, которыя непрерывно и симметрично тянутся вверхъ по правой и по лѣвой сторонѣ бордюра. Отсюда же выходятъ и два небольшихъ акантовыхъ листа. Для удобства обозрѣнія мы раздѣляемъ нижнюю и боковую вѣтку на семь орнаментальныхъ единицъ или элементовъ, считая по одному завитку въ каждомъ. (Рекомендуемъ при чтеніи описанія имѣть передъ собою соответствующую таблицу).

Первый элементъ, ближайшій къ подставкѣ, представляетъ изъ себя зеленый листъ, который изящно загибается направо и заканчивается синимъ крестообразнымъ цвѣткомъ аканта *на коричневой чашечкѣ*.

Второй орнаментальный элементъ находится въ углу: листокъ тянется по нижнему краю рамки до угла. Онъ окрашенъ въ *темно-сиреневый* цвѣтъ, восходящій листокъ въ углу — *зеленаго* цвѣта, верхняя отходящая вѣтвь — *красная*. Тоненькіе усики синіе и красные, *цвѣтокъ и почка синіе*.

Третій элементъ. Изъ ложа предыдущаго элемента, немного оторвавшись, отходитъ по касательной линіи синій черенокъ съ красивымъ краснымъ цвѣткомъ, а отсюда выходитъ зеленый листъ; въ цвѣтоносномъ узлѣ помѣстился красный цвѣтокъ съ синей тычинкой, сиреневый падающій листокъ значительно длиннѣе противоположнаго; внутри находится *синій цвѣтокъ съ зеленой чашечкой*.

Четвертый элементъ. Спираль этого элемента согнута налѣво, восходящій и нисходящій листки идутъ почти параллельно одинъ другому, съ едва замѣтной сигмообразной кривизной, и по величинѣ равны между собою. Внутренній цвѣтокъ имѣетъ красную чашечку о трехъ лепесткахъ.

Пятый элементъ. Завитокъ обращенъ направо. Въ узлѣ расхожденія небольшой красный цвѣтокъ. Внутри завитка синій бутонъ и фіолетовый цвѣтокъ. Листы въ этихъ элементахъ, какъ и въ слѣдующихъ, окрашены въ чередующемся порядкѣ то въ зеленый, то въ сиреневый цвѣтъ.

Шестой элементъ. Цвѣтокъ имѣетъ синюю чашечку, лепестки и плодь (аканта?), полуприкрытый листкомъ. На мѣстѣ завязи красный шарикъ.

Седьмой или заключительный элементъ. Оранжевая завязь выпускаетъ обычную вѣтку, которая прерывается синимъ цвѣтоноснымъ узломъ. (Это и составляетъ верхнюю точку боковыхъ вѣтвей орнамента). Внутри завитка вся вѣтка оканчивается краснымъ цвѣткомъ.

Лѣвая вѣтка растительнаго орнамента въ общемъ симметрична съ правой, но въ деталяхъ наблюдаются нѣкоторыя отступленія. Такъ, на примѣръ, въ 3-й по нашему счету орнаментальной единицѣ отсутствуетъ завязь. Че-

четвертый элемент посрединѣ синій, по бокамъ красный. 5-й элементъ—сплошной красный, 6-й—весь оранжевый, 7-й—красный съ синими шариками.

Общій характеръ орнаментаціи лѣвой стороны нѣсколько тѣнѣе и какъ будто небрежнѣе сравнительно съ правой стороной. Цвѣтоносные узлы окрашены въ различные цвѣта.

Верхній край рамки представляетъ изъ себя самостоятельную систему, хотя и родственную по растительнымъ мотивамъ съ остальнымъ орнаментомъ. Здѣсь также изображены двѣ вѣтви, пересѣкающіяся крестообразно, причемъ мѣсто пересѣченія *покрыто довольно большимъ синимъ гербовымъ щитомъ, однако, безъ герба.*

Спиральные симметричныя завитки похожи на завитки въ остальной части рамки. Здѣсь же, въ верхнихъ углахъ, находится *самая замѣчательная особенность орнамента Пересопницкой рукописи.*

Мы имѣемъ въ виду *изображеніе двухъ амуровъ* съ крылышками. Одинъ изъ нихъ изображенъ въ профиль, а другой „en face“¹⁾. Оба они стоятъ, опершись ногами на заключительные элементы или верхніе завитки боковыхъ вѣтвей. Одною рукою они какъ бы поддерживаютъ верхнія вѣтки орнамента. Въ другой рукѣ они держатъ трубы.

Мы считаемъ это самой замѣчательной особенностью, потому что до сихъ поръ Пересопницкую рукопись не удавалось сблизить въ отношеніи орнамента ни съ одною рукописью, написанной въ томъ же мѣстѣ и въ ближайшее время къ ея написанію, т. е. въ половинѣ XVI вѣка²⁾.

Несмотря на довольно большой размѣръ рамки (въ натурѣ: 35,5 ст. × 21 ст.), самая миниатюра занимаетъ незначительное пространство. Это произошло отъ того, что внизу узкаго четырехугольнаго внутренняго пространства отдѣлена значительная часть для подписи подъ изображеніемъ (золотыми буквами), здѣсь же находится и узенькая заставка плетеночнаго характера, а вверху отдѣлены два угла довольно значительной величины такимъ образомъ, что миниатюра имѣетъ куполообразный луковичный сводъ.

Въ этихъ углахъ на золотомъ фонѣ помѣщены двѣ пары акантовыхъ пересѣкающихъ вѣтвей—краснаго и синяго цвѣта. Вѣтки здѣсь изображаютъ лицевое положеніе развернутаго акантоваго листка. Точно такое же дѣле-

1) См. Стасовъ. Слав. и Восточн. Орнам. Табл. XLVI.

2) Лишь въ недавнее время (дѣтъ около 15 тому назадъ) среди рукописей Владиміръ-Волынскаго братаства нашлась одна рукопись, а именно, „Апостоль Загоровскаго Монастыря 1554 года“. Этотъ Апостоль имѣетъ совершенно сходную, родственную,—хотя и не тождественную орнаментацію—до амурса включительно (См. объ этомъ ниже).

ніе пространства наблюдается и во всѣхъ остальныхъ миниатюрахъ. Эти двѣ пары вѣточекъ особенно характерны—они совершенно одинаковы во всѣхъ четырехъ миниатюрахъ. Уже это одно является прекраснымъ показателемъ единства художественнаго замысла.

Такая же вѣтвь аканта въ увеличенномъ видѣ составляетъ *содержаніе орнамента въ рамкѣ вокругъ изображенія евангелиста Марка* (см. табл. IV). Однако принципъ этого орнамента совершенно иной по сравненію съ первымъ орнаментомъ. Здѣсь художникомъ примѣняется система *расходящихся парныхъ сплетеній* изъ акантовыхъ вѣтвей отчасти въ лицевомъ видѣ, въ развернутомъ положеніи, отчасти въ профильномъ положеніи. Такихъ паръ въ общемъ насчитывается *шесть*. Изъ нихъ четыре пары вѣтвей меньшихъ заполняютъ углы рамки, а двѣ пары большихъ занимаютъ остальное пространство въ боковыхъ сторонахъ.

Самыя окончанія и вегетативные отростки окрашены въ нѣжные цвѣта, а вѣтки красного и синяго цвѣта съ тѣнями. Чрезвычайно большое количество отходящихъ побочныхъ вѣтвей и отростковъ придаетъ орнаменту оригинальный кудреватый видъ. Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что общая длина и ширина *осей* спиральнаго завитка средней величины равны между собою въ орнаментѣ трехъ евангелистовъ: Матѳея, Марка и Іоанна (5 см. и 4,5 см.), а *особенно важно, что длина самыхъ вѣтвей въ спирально-загнутомъ завиткѣ и въ развернутомъ видѣ въ общемъ совпадаетъ съ длиной большой вѣтви, изогнутой S-образно = около 19,5 см.* Такимъ образомъ мы видимъ, что въ представленіи орнаментовщика въ сущности была одна и та же акантовая вѣтвь, несмотря на кажущееся разнообразіе въ орнаментѣ. И это подтверждаетъ наше первое положеніе относительно художественнаго единства орнамента.

Орнаментъ вокругъ изображенія евангелиста Луки (таб. VI) можно считать самымъ оригинальнымъ. Прежде всего онъ чрезвычайно сложенъ и имѣетъ общее сходство съ скульптурнымъ типомъ орнамента. Вверху и внизу по серединѣ рамки имѣются цвѣточные заставки такого же размѣра, какъ ширина самой миниатюры. Заставка внизу не составляетъ завитковъ. Цвѣты аканта развернуты по плоскости рамки. Главный цвѣтокъ—самый большой—имѣетъ синюю чашку цвѣтка съ четырьмя рѣзными лепестками сердцевидной формы. Отсюда, изъ сиреневаго ложа, отходятъ вѣтви съ такими же листьями, какъ и въ орнаментѣ вокругъ св. Матѳея. Среди нихъ находится три коротенькихъ цвѣтоножки. На средней цвѣтоножкѣ цвѣтокъ очень близокъ къ *шестому элементу* первой рамки (см. таб. II и объясненіе

къ ней). Два боковые цвѣтка окрашены въ красный цвѣтъ съ синей шарообразной завязью. Листья тонкіе, парные, усики тонкіе. Наверху въ заставкѣ мы имѣемъ два цвѣтка въ лицевомъ положеніи. Они расположены симметрично по бокамъ опрокинутого акантоваго цвѣтоложка. Орнаментъ въ боковыхъ сторонахъ состоитъ изъ шести частей, расположенныхъ симметрично, колонною, по три части одна надъ другою. Въ самомъ расположеніи и композиціи сказывается большое изящество вкуса иллюстратора. Каждая часть отдѣляется отъ другой дугообразно изогнутой перемычкой, служащей основой для слѣдующей части. Въ деталяхъ симметричныя части не вполне тождественны. Для образчика приведемъ описаніе одной изъ нихъ (средней части на лѣвой сторонѣ). На перемычкѣ находится цѣлое гнѣздо акантовыхъ трилистниковъ красного и синяго цвѣта. Отсюда выходитъ тонкій стержень и двѣ вѣтки синяго цвѣта, расположенныя симметрично по бокамъ стержня. По срединѣ высоты стержня они схвачены кольцомъ, отсюда снова выходитъ двѣ вѣтки красного цвѣта. Стержень оканчивается синей трехчленной розеткой. И все это, конечно, выдѣляется на золотомъ фонѣ.

Орнаментъ вокругъ изображенія евангелиста Іоанна (таб. VIII) среди всѣхъ орнаментовъ сохранилъ самый строгій типъ ренессанса въ стилѣ *орнамента рафаэлевскихъ ложъ въ Ватиканѣ*. Завитокъ аканта успѣваетъ сдѣлать при этомъ двойной оборотъ. Чередованіе красокъ въ завиткахъ таково:

Лѣвая сторона: зеленый, красный, сиреневый.
зеленый, красный, сиреневый.

Правая сторона: красный, синій, сиреневый.
красный, синій, сиреневый.

Верхній край: сиреневый, голубой.

Нижній край: два зеленыхъ завитка.

Внутри рамки, разѣкая орнаментированное пространство, по всѣмъ четыремъ сторонамъ идетъ стержень, образуя своеобразную четырехугольную рамку.

Обратимся теперь къ орнаменту, украшающему начальныя страницы текстовъ отдѣльныхъ евангелій.

Предъ началомъ текста евангелія отъ Матфея вѣтка орнамента вступаетъ туда изъ буквы К, и представляетъ изъ себя развернутый цвѣтокъ аканта въ лицевомъ положеніи.

Теперь по порядку должна быть разсмотрѣна орнаментированная рамка въ началѣ текста евангелія отъ Марка (См. таб. V). Господствующій мотивъ здѣсь—разноцвѣтный акантовый цвѣтокъ съ мелкими листочками и съ цѣлою

сѣтью переплетающихся тоненькихъ усиковъ. Господствующіе цвѣта—красный и синій, фонъ золотой. Посрединѣ правой стороны орнаментъ прерывается темно окрашеннымъ пространствомъ, на которомъ золотомъ изображены буквы: *ΓΑ. Α. ΖΑ. Α.* Сплетенія усиковъ образуютъ петли, расположенныя крестообразно, причемъ листочки попарно, чередуясь цвѣтомъ, расходятся въ противоположныя стороны. Общій характеръ растительнаго орнамента—легкая, прозрачная сѣть изъ перечисленныхъ элементовъ.

Сверху находится заставка, составляющая непосредственное продолженіе бокового окаймленія, но она значительно отличается отъ сосѣдняго орнамента: это обычный *мотивъ парныхъ расходящихся вѣтвей аканта*, выходящихъ изъ *сосуда*, съ маленькими прикрывающими листочками. По рисунку и стилю эта заставка напоминаетъ орнаментъ вокругъ евангелиста Матфея (внизу).

Рамка включаетъ въ себя *заставку* надъ текстомъ плетеночнаго геометрическаго характера (См. орнаментъ Загор. Апост.). Въ этомъ орнаментѣ соединены три стиля: стиль Возрожденія, геометрическій и тератологическій.

Необходимо также остановиться болѣе подробно на орнаментѣ вокругъ *начальной страницы евангелія отъ Іоанна*¹⁾. (См. таб. IX).

Въ верхней части надъ обычной плетеночной заставкой находится растительная заставка, равная по длинѣ нижней. Она повторяетъ отчасти мотивы орнамента вокругъ евангелиста Матфея. Составлена она двумя вѣточками со скрещенными концами въ срединѣ. Мѣсто вокругъ скрещенія ихъ охвачено ромбовидной фигурой. Вѣтка скомбинирована изъ двухъ элементовъ—ближайшій къ срединѣ завитокъ оканчивается листкомъ *трилистника* съ одной стороны. Форму листка съ другой стороны трудно опредѣлить, благодаря стилизаціи. Заключительный элементъ съ правой стороны—акантовый цвѣтокъ, съ лѣвой—неизвѣстный плодъ (аканта?).

Правый и нижній края орнамента имѣютъ нѣсколько своеобразное построеніе. Онъ, подобно орнаменту передъ текстомъ отъ Марка,—разрывается на двѣ части. Типичный ходъ раздвоенія акантовой вѣтви здѣсь таковъ: сначала идетъ *спиралеобразный завитокъ* + *S-образная отходящая часть*, которая переходитъ въ дальнѣйшее развѣтвленіе по тому же закону, причемъ длина S-образнаго отростка вдвое больше поперечной оси.

Свободное пространство, образовавшееся благодаря легкости и тонкости рисунка, занято свободною вѣтвью, лежащею параллельно основной вѣтви. Эта свободная вѣтвь—нѣжно-сиреневаго цвѣта съ зеленымъ отворотомъ.

¹⁾ См. Стасовъ. Таб. XLVI, рис. 4.

Кромѣ того, по полю разбросаны небольшіе шарики, одноцвѣтные съ главною вѣтвью (ягоды). Обычно чередованіе краснаго и голубого цвѣта.

Такова въ общихъ чертахъ картина орнамента Пересопницкой рукописи. Мы видѣли въ немъ самые разнообразныя элементы въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Однако всѣ они въ большинствѣ восходятъ къ стилизованному аканту (*akanthus spinosus*) въ различныхъ комбинаціяхъ. По контуру нѣкоторыя заставки растительнаго орнамента сближаются съ заставками венеціанскихъ и славянскихъ изданій нач. XVI вѣка, а также западно-русскими изданіями доктора Скорины (1519—1525 г.г.)¹⁾. Еще сильнѣе на немъ отразилось польское и западно-европейское (въ частности—итальянское) вліяніе. Такъ какъ въ основѣ всего орнамента вокругъ изображеній лежитъ *акантъ*, въ одномъ случаѣ даже съ *амурами*, то мы можемъ болѣе точно опредѣлить и самую эпоху проникновенія этого орнамента, а именно: онъ самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ эпохѣ *Возрожденія*. Въ южной Россіи это какъ разъ совпало съ расцвѣтомъ итальянскаго вліянія въ скульптурѣ— въ частности въ золоченіи и *bijouterie*²⁾, въ архитектурѣ и т. д. Теперь мы будемъ подыскивать параллели къ нашему орнаменту въ искусствѣ различныхъ смежныхъ народностей. Съ этою цѣлью мы прежде всего обратимся къ *польскому орнаменту*. Въ *Миссалѣ 1482 г.* мы находимъ такое изображеніе: два ангела держатъ среди готической растительности щитъ съ гербомъ Гнезненскаго архіепископа³⁾.

Въ другомъ *Миссалѣ 1504 года* два амура, одѣтыхъ въ рубашечки, держатъ щитъ съ гербомъ другого Гнезненскаго архіепископа⁴⁾. Орнаментъ представляетъ изъ себя несомнѣнный акантовый спиральный завитокъ, который оканчивается крестовидной розеткой.

Орнаментъ пергамина *Пулавской псалтыри* изъ бібліотеки княз. Чарторыйскихъ XV в. также немного напоминаетъ орнаментъ Пересопницкой рукописи⁵⁾.

1) См. журналъ „*Искусство и Печатное дѣло*“ за 1910 г. № XI (ноябрь) стр. 497, 501 и 504—орнаментъ вокругъ изображенія св. Николая (1536—1538 г.) и заставка въ часословцѣ 1565 г.: № XII (декабрь) стр. 521: концовка.

2) См. *Sprawozdania Komisji do badania Historji Sztuki w Polsce*; см. *Kwartnik Historyczny*. R. IV. 1890 г. стр. 154; Losinski. *Acta Leopolitana*.

3) Рукопись Импер. Публ. Библіотеки въ С.-Петербурѣ № 85. (См. *Стасовъ*. Славянскій и Восточный Орнаментъ. Табл. CXVIII), 1.

4) Рукопись Импер. Публ. Библіотеки въ С.-Петербурѣ № 111. (См. *Стасовъ*. Слав. и Вост. Орнаментъ. Табл. CXVIII), 5.

5) См. *Стасовъ*. Славян. и Восточн. Орнаментъ. Таб. CXVI, № 11; таб. CXVII (№ 2). Библіот. кн. Чарторыйскихъ № 1269, 80.

ПОВСНТЕРУОСНІЕ СВО
 ЛЬТА, ЧИ СЛАБІВАНКО. И
 ЕВАНГЕЛІО ПРІЯТІЕ. СІКЖ
 ПОУЧНАІСА. НИКОМА СІСТІАІН.

КДО СЕ НАПИСАНО
 ІАКЪ ТЪ СІ РАДІКІ
 ЕУЛІА, ІОАННА СТО
 ВСЕ ІННІ СЛАДЪ ІЗУІ
 ТА СІКІ СІВЕЛІКІА
 ІІ СІА ПІСЪКІ. КРОІ КІНІА КІ
 ТІ СІНОЛЬ. ІІА СІА ЖЕ СТО;
 ЕУЛІА ТІ СІА СІ ПІ СІА, ПО
 ІІ СІА. ІІ ЖЕ СТО СІА. А ЖЕ
 ДО ПІА СІА ПОВЪЗІВІ ЖЕ СІА,

Сіе Евангеліе приємано і дано є в імені
 Всемогущего Свѣта Мати П. Мана

4 135166

IV. Миниатюра и орнаментъ вокругъ изображенія Еванг. Марка
 въ $\frac{1}{5}$ натур. велич.

V. Снимокъ съ орнамента и первой страницы Евангелія
отъ Марка, въ $\frac{4}{5}$ натур. велич.

VII. Миниатюра и орнаментъ вокругъ изображенія Еванг. Луки
 въ $\frac{4}{5}$ натур. велич.

VIII. Миниатюра и изображение Еванг. Иоанна Богослова,
въ $\frac{4}{5}$ натур. велич.

IX. Орнаментъ и текстъ начала еванг. текста отъ Иоанна,
въ $\frac{4}{5}$ натур. велич.

БѢЛІСТЬ.

НЕПРНТМГНОУЛЬ КЕДЖ. ЯСЮ
ДМ ВЦАСТЯТЕБЕСЛОУСЖ. Я
СЛОУТАВСАДНТМ ВТЕДНИЦОУ
ПОВДАНТОБЖ. ИЖЕНЕВЫН
ДЕШТМ ЯСДАЕН ПОСЛБНН
КОНЕЦЬ. ПЖЕЗЬ СРЕДЖ.

БѢЛІСТЬ ВЫПИСОУЕ, ИЖЕХС ВПРНТМ ЗМОРДОВАНИХЪ,
ГАЛНЕНСКИХЪ НАПОМИНАЕТЯ. АБЫЧННН ПОІСАДНІЕ, ПРИ
ВОДТИ НЕПЛОНОУЮ СМОКОВНИЦОУ. ИАСПЫЖЪ ЖЕНОУ, КО
ТОРААЛЖ НІ ССОТЕНАБЫЛА ОУЗДОРОВАЖВАЕ. ПЫОУЧНН ПСЕВН СОБОРО
НОМОУ ПРИМОВАЛАЕ. ПЫІАКО ПОВДАЕТЯ СЦРПВІН БЖІН. ІСОУЗЕ
НОУГОТННОМОІІСОУКВАІІПРНРОМАЕ. АПРОДАЛН СПЦІЮ НАЗЫВАЕ : ∞

ВИШІИ ПІАКЪТЮ НЖКО
ТРИИ ВТОУАСЬ, ИПОКЖ
ДЛНЕСЦОУ СГАЛНЕСО
КОТОРИЖЕТО ПИЛАТЪ КРОВА
ЗДЕШАМЪ ИЗЖРЪТВАДІИ И
ІСПІАКЪ СПОВНЦАМЪ, ИРЕ
КЛАИДЪ. ВІНАДЖЕТЕСМ,
ИЖЕБЫТИНТО ГАЛНЕСАНЕ

ЗА
О

МЗ

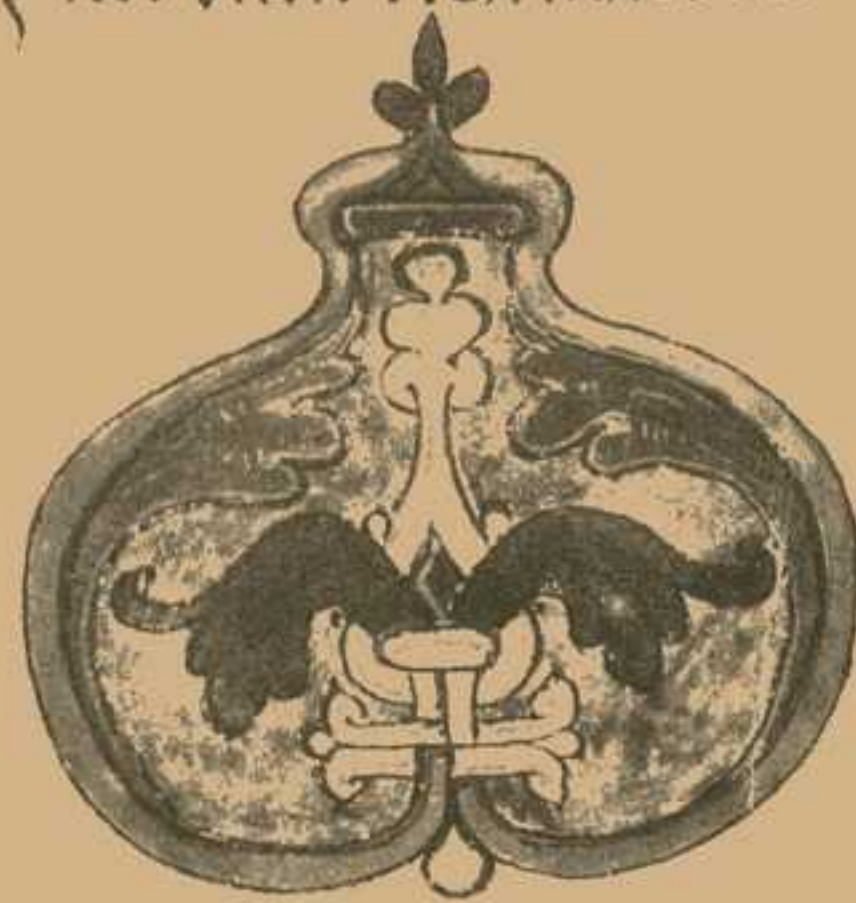
Мѣшклягомоу Вноко гѣстаментѣ, аѣо вноко законѣ вѣры гѣтвѣ.
 Рогороуо сѣни запомотоу вѣжѣю Исписамь . Накладонѣ вѣше
 сѣписамой бѣго бѣрной Илрѣю Любнкой Кнѣси Козминой Иванокнѣ
 Жѣславской . Рнѣнѣ Парасковѣи вѣзванной Наспѣсѣ Юркѣвнѣ голѣ
 шанского . Прото Прошеука рѣнннцѣи сѣн Идѣанонѣ, Икѣн
 Которнѣи сѣнѣ вклѣросѣ Прнтрѣнннѣи моугы Цѣрквннѣи . Сѣнѣ вѣосвѣи
 Галѣе, Любо загалѣ Анко Поѣакоу, Анко Конѣнѣи Изгредѣннѣи . Сѣно
 влрѣннѣамь вѣокаѣи, аѣо вѣоыслѣ сѣго свѣтннѣи мыслѣнѣи, Искѣн
 влѣннѣе, аѣезлѣ гѣрѣтнѣи Пнсавшѣмоу . Влѣпрѣосѣтнѣи гѣаѣовѣннѣи .

Нѣи Нехан бѣудѣть бѣго
 оугодно Иподобнѣ Тво
 сѣноу, Ико Любнѣмоу
 влѣдѣю . Ты жѣи мѣ
 рѣнѣи сѣнѣи Пѣмннѣостнѣи

Твоѣи . Ипоѣннѣогннѣи
 Твоѣннѣи . Идѣлннѣи
 Искѣннѣнаго, кѣга,
 Ожѣ Идоѣметнѣи
 Ты нѣи Нехан
 Иѣстѣ, вѣгѣу
 Идѣхонѣи,
 Илѣвѣкѣи вѣжѣннѣи, Слѣвнѣе, Тѣнѣи вѣоѣмоу, Анннѣи .

Иѣдрѣоблнѣвѣстѣннѣи
 аѣвнѣхъ тѣбѣ сѣдннѣого
 хвѣлннѣи, сѣннѣи,
 вѣоснѣи . Оза
 бѣудѣтѣи хвѣ
 оцѣоу, сѣнѣо
 сѣтннѣи

Но особенно характерна для орнамента Пересопницкаго Евангелія орнаментація слѣдующаго польскаго памятника, изданнаго *Wojciechom Gersonom*¹⁾. Мы имѣемъ въ виду *Przywilej Opatowski* 1519 года. (См. рис. 1, стр. 8).

Разбирая стиль орнаментаціи, авторъ статьи объ этомъ памятникѣ говоритъ, что иные рисунки здѣсь „*juž zařysem ogólowym naležá do form renesansowych*“. „Дата документа доказываетъ, что авторъ рисунковъ былъ... на wysokosti sztuki współczesnej, w której motywa znikającej i przekwitającej ornamentyki ostrołucowej *z motywami następującej włoskiej się łączyły*“²⁾. И въ самомъ дѣлѣ, характеръ развѣтвленія и сочетанія цвѣтовъ, ширина рамки, золотой фонъ, рисунокъ аканта — все это совершенно совпадаетъ съ основнымъ мотивомъ нашего орнамента.

Чешскій орнаментъ также довольно близко подходитъ къ пересопницкому по манерѣ заполнять края листа растительными композиціями изъ вѣтокъ розъ, волчцевъ и т. п. Часто среди вѣтвей бываютъ изображены *амуры* (рис. 2, на стр. 18). Особенно близко подходитъ орнаментъ чешскаго *Gradual-я* 1552 г.³⁾. Очевидно, эти рукописи Чешскаго музея и имѣли въ виду *Бодяискій*, когда сближали съ ними орнаментъ Пересопницкой рукописи.

Образецъ орнамента *Дубровницкихъ рукописей* извѣстенъ намъ по *Miscelaneu XVI в.* Здѣсь миниатюры и орнаментъ переплетаются съ охотничьей сценкой. Спираль здѣсь имѣетъ весьма удлиненную форму⁴⁾.

Какъ было уже сказано выше, корни такого способа орнаментаціи рукописей мы должны искать въ живописномъ орнаментѣ *Итальянскаго Возрожденія*.

Въ одной рукописи XVI вѣка Туринской библіотеки (рис. 3, на стр. 19) мы находимъ чрезвычайно любопытную параллель къ нашей орнаментикѣ. Это наиболее наглядно выяснится, если мы обратимъ вниманіе на нѣжную раскраску листьевъ, составляющихъ завитки, на чередованіе тоновъ, золотой фонъ, ширину рамки и манеру заполнять пространство⁵⁾, мы легко убѣдимся при этомъ, что рукописи принадлежатъ къ одной эпохѣ.

¹⁾ См. Sprawozdania Komisji do badania Historji Sztuki w Polsce, т. V, zeszyt 1. (Krakowie 1891 г.). *Przywilej Opatowski*, стр. 104–106, и приложения—таб. 2.

²⁾ Sprawozdania... т. V, стр. 106.

³⁾ См. *Soupis památek historických a uměleckých*. Knihovna kapitulni v Praze 1903. Dr. A. Podlaha (стр. 240): „Na levém okraji ornamentu motivu stolisté růže v něm uprostřed dva andělé“ (рис. 284).

⁴⁾ *Стасовъ*. Славян. и Восточный орнаментъ. Таб. CXI, 5. 7.

⁵⁾ См. Таб. XVIII изд. Шнейера. Внутри завитка помѣщены птицы вмѣсто цвѣтовъ

Искусство орнамента въ растительныхъ формахъ¹⁾ достигло наибольшаго развитія въ Италіи въ началѣ XVI вѣка при Рафаэлѣ и *его ученикахъ*. Достаточно указать на орнаментъ въ „Ватиканскихъ ложахъ“ Рафаэля, какъ на высочайшій образецъ, которому стала подражать вся Италія²⁾. Особенно

Рис. 2. Чешскій орнаментъ (Latinsky Gradual 1552 г.) Jana Taborského a Fabiána Puléra. ^{2/7} натур. велич.

прославились въ этомъ отношеніи ученики Рафаэля—Giovano del Udino, Giulio Romano и Perin del Vaga. Проникновеніе итальянскаго вліянія непосредственно изъ Италіи въ Польшу, а чрезъ нее и въ Южную Русь, было особенно сильно *въ началъ и середину XVI вѣка*, благодаря появленію въ Польшѣ королевы—итальянки *Bona-Sforza*, жены *Zygmonta Starego*³⁾.

Такимъ образомъ, если мы будемъ разсматривать орнаментацію Пересопницкой рукописи на фонѣ этихъ западно-европейскихъ образцовъ, то необходимо должны признать, что она находится въ тѣсной преемственной связи съ западнымъ искусствомъ интересующей насъ эпохи.

Очень характерно то обстоятельство, что мы не встречаемъ въ пересопницкомъ орнаментѣ ни одной черты позднѣйшаго типа растительнаго орнамента въ видѣ натурализованныхъ и свободно лежащихъ вѣтвей и букетовъ, которые такъ типичны для конца XVII вѣка⁴⁾, нѣтъ кропотливой, мелкой отдѣлки деталей, нѣтъ такого *смѣшенія разнообразныхъ стилей въ одной и той же композиціи*.

Что касается положенія Пересопницкаго Евангелія среди другихъ рукописей, написанныхъ на территоріи Южной Россіи и во время, близкое къ серединѣ XVI вѣка, то мы можемъ

¹⁾ См. Шубертъ ф.-Зольдернъ. Стилизація растений. Москва, 1894 г. стр. 146.

²⁾ См. Müntz. Histoire de l' Art pendant la Renaissance, т. II, стр. 248—249, 166 и т. д. „Loges de Raphaël“, „Quadrupedes et giseant“ peints par Jean d' Udine.

³⁾ См. объ отраженіи итальянскаго вліянія цѣлый рядъ статей въ Sprawozdania Komisji do badania Historyi Sztuki: M. Sokolowskiego и др.

⁴⁾ См. изданіе С.-Петербургскаго Археологическаго Института (С.-П.-В. 1903 г.): „Портреты, гербы и печати Вольшой Государственной книги 1672 года“. Особенно любопытны для насъ таб. 1 и 2, 32, 44 и др. Начиная съ изображенія Грознаго, мы находимъ здѣсь портретную традицію. Любопытно, что *орнаментъ на одеждѣ Грознаго* стоитъ ближе къ эпохѣ ренессанса, чѣмъ въ другихъ портретахъ.

указать, помимо нѣкоторыхъ западно-русскихъ рукописей, использованныхъ уже Стасовымъ (какъ напримѣръ,—*Волковыское Евангеліе*), еще на нѣсколько памятниковъ, сближающихся съ Пересопницкой рукописью. Прежде всего необходимо разсмотрѣть Загоровскій Апостолъ 1554 года (или 1563 г.— по старой датировкѣ). Этотъ Апостолъ также чрезвычайно богатъ въ отношеніи орнаментаціи, въ немъ находятся богатѣйшія заставки изъ матово-блѣднаго золота и множество инициаловъ плетеночнаго характера¹⁾. Но особенно интересенъ *первый листъ Дьяній Апостольскихъ*, въ рукописи—листъ 22-й. Здѣсь, среди акантовой растительности, состоящей изъ завитковъ и въ свое время богато разукрашенной, мы находимъ *амура безъ крыльевъ въ нижнемъ правомъ углу орнаментальной рамки*. (См. рис. 4 на стр. 21). Благодаря непрочности бумаги, а можетъ быть и влѣдствіе частаго употребленія, золото почти осыпалось, краски потускнѣли и также осыпались. Первоначальныя свѣдѣнія объ этомъ Апостолѣ далъ *Г. А. Бугославскій* въ своемъ докладѣ на *Виленскомъ Археологическомъ Съѣздѣ* въ 1893 году²⁾.

При непосредственномъ осмотрѣ оказалось, что приписка о времени написанія, сдѣланная позднѣйшею рукою—скорописью XIX вѣка, находится въ самомъ концѣ Апостола, и она относитъ его къ 1554 году. Возможно, что у владѣльцевъ Апостола были свѣдѣнія объ этомъ на одномъ изъ утерянныхъ теперь листовъ. Такимъ образомъ первоначальную

Рис. 3. Итальянскій орнаментъ. (Изъ рукописи Туринской Библиотеки XVI в.). $\frac{1}{2}$ натуральной величины.

¹⁾ См. листы: 1, 2, 106, 116, 126, 134, 175, 201 об., 210 об., 244, 278, 290, 300, 309, 317, 323, 333 об., 341, 350, 376—въ Загоровекомъ Апостолѣ.

²⁾ Для настоящей работы мы пользуемся подлинникомъ Загоровскаго Апостола, присланнымъ съ разрѣшенія архіепископа Волынскаго Антонія изъ библіотеки Владиміръ-Волынскаго православнаго Св.-Владимірскаго Братства (См. „Краткая опись предметовъ, находящихся въ древлехранилицѣ православнаго Св.-Владимірскаго Братства“, стр. 15, № 2). За содѣйствіе, совѣты, указанія и помощь выражаю благодарность проф. В. Н. Перетцу, архіев. Антонію Волынекому, Ор. Ив. Левицкому, И. М. Каманину, г. Андріевскому, а въ особенности Г. А. Бугославскому, который чрезвычайно любезно разрѣшилъ пользоваться своимъ описаніемъ Апостола въ рукописи.

Вотъ краткое описаніе его, взятое изъ печатной статьи *Г. А. Бугославскаго* подъ заглавіемъ: „Волынскія рукописныя Евангелія и Апостолы“: „Апостолъ въ кожаномъ переплетѣ, безъ всякихъ украше-

дату Бугославскаго приходится исправить и считать, что *эта рукопись современна или на два года старше Пересопницкой рукописи.*

Характеръ орнамента Загоровскаго Апостола чрезвычайно близокъ къ изучаемому орнаменту, какъ по типу рисунка, такъ и подборомъ красокъ, композиціей, размѣромъ (длина рамки въ Загоровскомъ орнаментѣ = 305 m/m × × 200 × 50 m/m ширины). *Поразительно сходна плетенка въ заставку надъ текстомъ, одинаковъ былъ золотой фонъ.* Окончательно довершаетъ сходство амуръ въ углу рамки.

Даже почеркъ золотой вязи и золотыхъ мелкихъ буквъ въ Апостолѣ нѣсколько сходенъ съ такимъ же почеркомъ Пересопницкой рукописи. Сходство въ почеркахъ самого рукописнаго текста значительно меньше.

Такимъ образомъ, отчасти съ палеографической стороны, а въ особенности со *стороны орнаментики*, въ Загоровскомъ Апостолѣ мы видимъ работу, вышедшую изъ одной школы, изъ одной художественной мастерской, если не изъ рукъ одного мастера. Это легко допустить, такъ какъ близки между собою не только *даты* обоихъ памятниковъ, но и *мѣстности*, въ которыхъ они написаны, и *люди*, которые давали на нихъ средства (Заславскіе, Чарторыйскіе, Загоровскіе, Сангушки и т. д.).

Въ поискахъ сходныхъ мотивовъ орнаментаціи мы воспользовались еще одною мало-извѣстною рукописью, которая хранится въ *ризищъ Кіево-Печерской Лавры*. Это — Евангеліе, относящееся къ 1538 году¹⁾.

Писанъ на бумагѣ съ водянымъ знакомъ, изображающимъ кабана. Уставное (?) письмо средней величины, *украшено многочисленными заставками, цвѣтными съ золотомъ, и такими же заглавными буквами. Орнаментъ этого Апостола оригиналенъ и богатъ....* Надписей, указывающихъ на время написанія, въ немъ нѣтъ. Имѣется лишь въ немъ приписка, что онъ данъ въ Загоровскій монастырь въ 1563 году“. (См. Труды IX археологич. съѣзда въ Вильнѣ 1893 г. т. II, стр. 307, и таб. XXIV). Особенно интересна таблица, она сдѣлана отъ руки въ краскахъ, очевидно, еще тогда, когда самый орнаментъ и краски были свѣже. Въ настоящее время рукопись состоитъ изъ 405 листовъ, изъ которыхъ самый интересный для насъ — листъ 22-й, гдѣ сохранился вышеописанный орнаментъ.

¹⁾ На послѣднемъ листѣ Евангелія находится слѣдующая записъ, сдѣланная почеркомъ, близкимъ къ печатнымъ скоринскимъ изданіямъ: „Вѣкѣмъ зъ мѣс. крѣтѣ елѣницѣ Нѣ І. лжне S. І. писана кыѣмъ сіа книга пожеленіе и накладо пана БОГДАНА МАРТИНОВИЧА ХРЕБТОВИЧА и его мѣлостн панен пані ѡкдоѣни горекое кымѣкныи его мѣтн кѣоркѣжнн а писалх рѣкожъ многогрѣшныи рабѣ кѣжнн Федорѣ кѣзмннѣ ѣнѣ з нескнжа родо молга.....“

По свидѣтельству другой записи по листамъ, это Евангеліе 14 сентябрю 1556 года подарилъ въ Печерскій монастырь „*Іоанникей Горностай*“ маршалокъ гедрьекій, староста речницкій, державца любошанскій“.

Вокругъ текста начальной страницы Евангелія отъ Матѳея въ этомъ Евангеліи мы встрѣчаемъ орнаментацію, сходную съ Пересопницкимъ Евангеліемъ по положенію и ширинѣ рамки, хотя она значительно бѣднѣе золотомъ и красками, сравнительно съ описанными рукописями. Орнаментація этого Евангелія носитъ, впрочемъ, скорѣе готическій характеръ ¹⁾. Въ нижней своей части она очень близко подходитъ къ печатнымъ виньеткамъ венеціанскаго и скорининскаго типа, о которыхъ мы говорили выше ²⁾.

Итакъ, уже изъ одного этого бѣглаго и краткаго обзора орнаментовъ различныхъ рукописей можно видѣть, что съ художественной стороны Пересопницкое Евангеліе вовсе не одинокое явленіе для XVI вѣка. Мы могли его сблизить съ цѣлымъ рядомъ польскихъ и западныхъ современныхъ орнаментовъ, нашли сходные орнаменты и въ области русскаго искусства. Очень важнымъ наблюденіемъ мы считаемъ точное указаніе *даты орнамента* (1556 ³⁾).

¹⁾ См. *Лоренцъ*. Орнаментъ всѣхъ стилей и народовъ.

²⁾ См. *Сборникъ снимковъ съ славяно-русскихъ старопечатныхъ изданій С. Пташицкаго*. Изданіе *Голице 1895 года*, часть I. XV и XVI вѣкы. Таб. VI: Апостолъ. Вильно, 1525 г.

³⁾ Мы по необходимости въ своей работѣ должны были касаться лишь *самыхъ типичныхъ* орнаментовъ; кромѣ того, мы почти совершенно не коснулись *миниатюръ, инициаловъ* и заставокъ *плстеночнаю* характера. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ видахъ орнаментики читатели могутъ найти въ статьѣ *проф. Павлуцкаго*, которая будетъ помѣщена въ этомъ же журналѣ („Искусство“ 1911 года № 2).

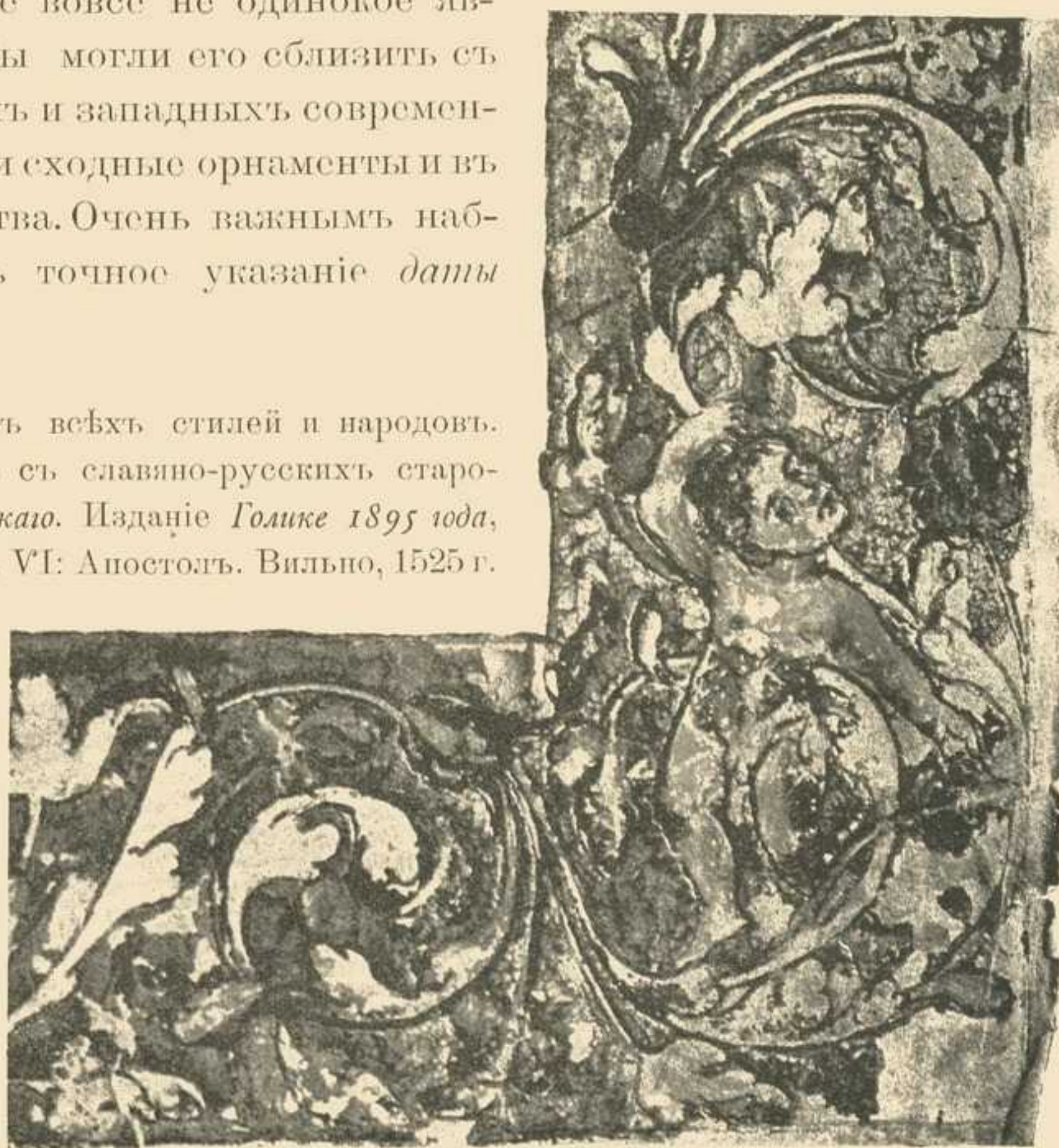

Рис. 1. Южно-русскій орнаментъ (Листъ 22 Загоровскаго Апостола 1554 г.). Въ натур. величину.

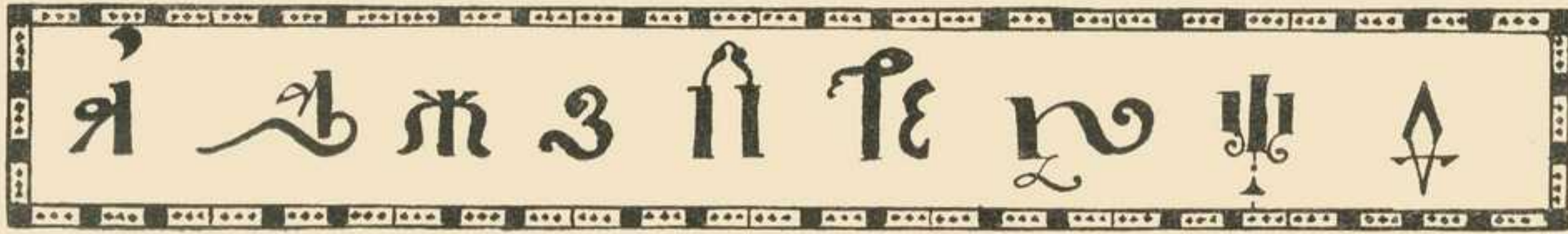

Рис. 5. Типичныя орнаментальныя буквы основнаго почерка Пересопницкой рукописи.

III.

Г Р А Ф И К А.

Намъ остается лишь сказать нѣсколько словъ *о графикѣ* рукописи ¹⁾: Отметимъ, что вопросъ о графикѣ въ этомъ случаѣ совершенно неотдѣлимъ отъ историческаго освѣщенія судьбы орнамента Пересопницкой рукописи. Достаточно взглянуть на снимки начальнаго текста евангельскаго текста (См. таблицы V и IX снимковъ, приложенныхъ къ нашей статьѣ). На этихъ страницахъ орнаментъ окружаетъ почеркъ, и далѣе на протяженіи сотенъ страницъ почеркъ остается *однороднымъ*. Такимъ образомъ мы убѣждаемся въ *одновременности какъ почерка, такъ и орнамента, къ какому бы времени мы ни относили тотъ и другой*.

Однако почеркъ далеко не такъ легко объяснить, какъ орнаментъ, онъ до настоящаго времени остается загадочнымъ во многихъ отношеніяхъ.

По почерку Пересопницкая рукопись, подобно орнаменту (см. рис. 5), не имѣетъ равныхъ себѣ среди извѣстныхъ намъ рукописей и палеографическихъ снимковъ; по твердости, красотѣ, изяществу и законченности рисунка почеркъ ея не уступаетъ орнаменту ²⁾.

¹⁾ Болѣе обстоятельную палеографическую критику почерка читатели могутъ найти въ другой нашей статьѣ, которая должна появиться въ одной изъ книжекъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1911 годъ. Статья эта имѣетъ слѣдующее заглавіе: *А. С. Грузинскій* „Критическія и палеографическія замѣтки о Пересопницкой рукописи“.

²⁾ Наша мысль объ *орнаментальномъ* характерѣ почерка Пересопницкой рукописи находитъ себѣ подтвержденіе въ современной тенденціи печатныхъ шрифтовъ возрождать старинныя рукописныя рисунки буквъ. См. статью „Das Schreiben der Schriften“ (Buch-und Stein drucken. 1909. Oktob.). „Кто знаетъ развитіе шрифта, тотъ долженъ будетъ разсматривать первобытныя формы А, С, О, N съ ихъ прямыми линіями, какъ образцы *примитивной орнаментики*“.... „Шрифтъ, такимъ образомъ, имѣетъ орнаментальный характеръ, который

Обращаясь теперь къ самому почерку, замѣтимъ, что богатство формъ для различныхъ буквъ: **Ѧ**, **Ѧ**, **Ж**, **З**, **Ѣ** можно объяснить отчасти перерывомъ во время писанія Евангелія (вспомнимъ пятилѣтній промежутокъ между началомъ и концомъ этого дѣла). Если мы разсмотримъ таблицы I, III, VI и X (снимки съ крупнаго почерка), расположивъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, то увидимъ самымъ нагляднымъ образомъ, что рукопись въ отношеніи почерка раздѣляется на двѣ части, причемъ смѣна почерка происходитъ на оборотѣ 155 листа. Особенно замѣтно это при сравнительномъ изученіи формъ слѣдующихъ буквъ: **Ж**, **З**, **О**, **Ѣ**, **Ѧ**, **Р**, **Ѧ**.

Въ первой части рукописи **Ж** имѣетъ въ своей основѣ форму, близкую къ **Ѧ**, верхніе же придатки, имѣющіе форму *клина*, присоединяются къ основной такимъ образомъ, что правый придатокъ остается совершенно свободнымъ и обращенъ остриемъ внизъ, а другой—лѣвый—нѣсколько изогнуть, прикасается къ нижней части буквы и остриемъ обращенъ вверхъ.

Во второй части Пересопницкой рукописи (послѣ 155 л.) **Ж**—имѣетъ правильную симметричную форму двусторонняго **В** (въ этомъ мы видимъ вліяніе печатныхъ венеціанскихъ (1536—1538 г.г.) и скорининскихъ текстовъ—(1519—1525 г.г.).

Рисунокъ буквы **З**—во второй части рукописи (послѣ 155 листа) отличается отъ древней формы, приведенной въ „Палеографіи“ Соболевскаго, головка буквы не заостренная, а нѣсколько сплюснута и закруглена; вообще, **З** во второй части имѣетъ скорописный характеръ.

Круглое **О** во второй части встрѣчается рѣже, чѣмъ въ первой, и замѣняется **Ѧ**, впрочемъ и въ начертаніи этой буквы чувствуется разница. Вначалѣ она пишется вся толстымъ жирнымъ штрихомъ, такъ что едва остается замѣтнымъ маленькій бѣлый глазокъ въ срединѣ, съ листа же 155—въ этой буквѣ измѣняется самая система нажима и положенія пера: верхняя и нижняя половины этой буквы соприкасаются тонкими волосными штрихами посрединѣ высоты буквы. Такой же заостренный характеръ носитъ и буква **Ѧ**, тогда какъ въ первой части рукописи мы наблюдаемъ **Ѧ** закругленное.

Ѧ—имѣетъ нѣсколько вытянутой, сторбленный характеръ, нѣсколько возвышаясь надъ уровнемъ строки во второй части.

развился въ слѣдующіе вѣка и достигъ большого расцвѣта въ рукописяхъ среднихъ вѣковъ“.... „Каждая буква въ своемъ цѣломъ, съ вѣ отвѣсными, горизонтальными, косыми, цѣловатыми или крутыми формами, представляетъ собою орнаментъ“. (Привожу цитаты по статьѣ В. К. въ кievскомъ журналѣ: „Искусство и Печатное дѣло“ 1910 г. октябрь (стр. 455 и 459).

Въ первой части **Ѣ** и **Ѥ** почти всегда умѣщаются въ строкѣ и имѣютъ закругленную форму, сжатую въ горизонтальномъ направленіи: эти же буквы во второй части рукописи имѣютъ свободно висящій, опущенный внизъ нижній конецъ: **Ѣ** **Ѥ**.¹⁾

Буква **Р**, умѣщающаяся цѣликомъ въ строкѣ, легко объясняется изъ скорининскихъ текстовъ: **П матери... Прчѣтосе... Марин...**²⁾. Точно также оттуда объясняются буквы **Ш**, **В**, **Я** и цѣлый рядъ другихъ буквъ, напримѣръ, инициальныхъ³⁾. Буква **Р** строчное въ перв. полов. XVII вѣка была повсемѣстнымъ явленіемъ. (См. Куриловское Евангеліе 1646 года).

Подражаніемъ скорининскимъ печатнымъ текстамъ, мы склонны считать обиліе *большихъ прописныхъ буквъ* и даже нѣкоторыя формы ихъ въ заключительномъ послѣсловіи Пересопницкаго Евангелія 1561 года. (См. таб. XI). Владиміровъ, въ свою очередь, считаетъ это подражаніемъ чешскимъ и нѣмецкимъ изданіямъ. Однако, въ основѣ всего почерка, какъ крупнаго, такъ и мелкаго, лежитъ своеобразный полууставъ *молдавскаго типа* XVI вѣка съ южно-славянскою орфографіей.

Въ этомъ отношеніи особенно интересны для насъ нѣсколько рукописей, пересмотрѣнныхъ нами въ самое послѣднее время. Они какъ разъ отражаютъ въ себѣ тотъ типъ почерка, который ускользнулъ до сихъ поръ отъ вниманія палеографіи и лучшимъ представителемъ котораго была Пересопницкая рукопись⁴⁾.

Въ началѣ главы объ орнаментикѣ было сказано, что можно подозрѣвать, кто былъ *писецъ* этой рукописи. До сихъ поръ наши свѣдѣнія объ

1) По типографскимъ условіямъ невозможно передать точный рисунокъ разсматриваемыхъ буквъ, вслѣдствіе отсутствія подходящаго церковно-славянскаго шрифта. Поэтому лучше всего обратиться при чтеніи этой главы непосредственно къ палеографическимъ снимкамъ.

2) См. Владиміровъ: Докторъ Францискъ Скорина. Снимокъ съ послѣсловія къ „Премудрости“ (стр. 78—79).

3) См. *ibidem*. стр. 72—73; 76—77 (снимки). На одномъ изъ этихъ снимковъ находится *заставка съ амурами*, поддерживающими гербъ Скорины (1519 года).

4) См. *Я. Трусевичъ*. Сводъ 260 азбукъ и образцовъ кириллицы 1905 г. Выпуски 1-й и 2-й. Кромѣ того, слѣдующіе памятники: 1) *Заборовское Евангеліе* 1564 года (Владиміръ-Вольнское Древлехранилище православнаго Св.-Владимірскаго Братства, № 1).

2—3) Два пергаминныхъ *Молдавскихъ Евангелія* 1546 и 1576 года (Кіевскій Церковно-Археологическій Музей № 210 и 211) изъ *Нѣжинскаго Греческаго Монастыря* (См. Указатель Церк. Археол. Музея. Н. И. Петрова. 1897 г. стр. 207).

4) Лаврское Евангеліе 1538 года (хранится въ ризницѣ Кіево-Печерской Лавры).

этомъ лицѣ—„Михаилъ Васильевичъ зъ Санока“—заимствовались только изъ записей на Пересопницкомъ Евангеліи. Въ одной изъ своихъ работъ мы высказали предположеніе, что слово „Василіевичъ“—можно понимать *въ качествѣ фамиліи писца*, такъ какъ большое количество фамилій въ Южной Россіи имѣютъ именно такое происхожденіе. И въ самомъ дѣлѣ, среди актовъ, предшествующихъ по времени появленію Пересопницкаго Евангелія, намъ удалось найти подъ 1531 годомъ указаніе на „*Михаила Василевича писаря господарскаго, державцу Медницкаго*“, который выступаетъ въ этомъ году въ качествѣ „еднача полюбовнаго“¹⁾.

Послѣ этихъ краткихъ замѣтокъ о графикѣ Евангелія подведемъ *итоги*.

Прежде всего на нашъ взглядъ непоколебимо устанавливается дата самой рукописи (1556—1561), и нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ ея точности. (См. дату на орнаментѣ вокругъ миниатюры св. Матѳея). Этому соответствуетъ и анализъ той части орнамента Пересопницкой рукописи, которая до сихъ поръ считалась единственной въ своемъ родѣ. Послѣ нашихъ сближеній съ Загоровекиимъ Апостоломъ 1554 года объ этомъ болѣе говорить не приходится.

Далѣе,—мы устанавливаемъ въ южно-русскомъ искусствѣ наличность *непосредственнаго итальянскаго вліянія* въ орнаментѣ послѣ-рафаэлевскаго типа, предпочтительно передъ чешскими и нѣмецкими орнаментами. Королева-итальянка Бона и ея приближенные очень усердно дѣйствовали въ этомъ направленіи въ Польшѣ и на Волыни²⁾.

Въ третьихъ—при изученіи графики мы попытались подыскать рядъ сходныхъ явленій въ *предшествующей* старо-печатной традиціи. Однако, этотъ вопросъ требуетъ болѣе детальнаго обследованія, чѣмъ позволяютъ намъ рамки журнальной статьи.

Въ четвертыхъ—отмѣчаемъ смѣну почерка съ оборота 155 листа. Впрочемъ, мы не рѣшимся утверждать, что здѣсь писала другая рука.

¹⁾ См. Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ и Виленской Публ. Библіотекѣ. Выпускъ I-й Вильна 1884 (стр. 19, документъ—№ 33). Впрочемъ, мы не будемъ особенно настаивать на этомъ предположеніи, такъ какъ въ то же время въ Краковѣ былъ извѣстенъ и другой „писарь Михайло“—*панъ Свинускій*. (См. въ томъ же „Сборникѣ“).

²⁾ См. *Modlitewnik Bonae Reginae* съ миниатюрами, который хранится въ *Оксфордѣ*.

И въ заключеніе должны отмѣтить удивительный фактъ—*соединенія, но не смѣшенія разнообразныхъ стилей* въ южно-русской орнаментикѣ.

Если гетманъ Мазепа хотѣлъ подарить въ Вознесенскій Переяславскій соборъ драгоцѣнную рукопись, то ему незачѣмъ было поручать кому бы то ни было переписку и перерисовку ея. Загоровскій Апостолъ и пергаминаныя Евангелія молдавскаго типа доказываютъ, что въ то время (въ половинѣ XVI вѣка) въ Южной Россіи были рукописи, снабженныя такими же украшениями и написанныя съ такою же любовью, какъ и Пересопницкое Евангеліе 1556—1561 года.

Ал. Серг. Грузинскій.

25 декабря 1910 года.

Г. Кіевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Исторія рукописи	стр. 1
II. Орнаментика	„ 8
III. Графика	„ 44
Таблицы I—XI	стр. 17—38

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ

(3-й г. изданія, — прежде: „Искусство и печатное дѣло“)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИСКУССТВО

♦ ЖИВОПИСЬ ♦ ГРАФИКА ♦
♦ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ ♦

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕНЪ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВОПРОСАМЪ ЖИВОПИСИ,
ГРАФИКИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ С. П. ЯРЕМИЧА И СЛѢДУЮЩИХЪ СОТРУДНИКОВЪ: Н. А. АРОНСОНЪ, АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА, И. Я. БИЛИБИНЪ, А. А. БЛОКЪ, В. Я. БРЮСОВЪ, Н. Ф. БЪЛЯШЕВСКІЙ, И. Д. ГАЛАКТИОНОВЪ, Е. И. ГЕ, И. Э. ГРАБАРЬ, А. С. ГРУЗИНСКІЙ, М. В. ДОБУЖИНСКІЙ, В. Д. ЗАМИРАЙЛО, Г. А. ЗОЛОТОВЪ, А. П. ИВАНОВЪ, И. М. КАМАНИНЪ, Л. М. КОВАЛЬСКІЙ, В. А. КОРДТЪ, Е. М. КУЗЬМИНЪ, АКАДЕМИКЪ Б. М. КУСТОДІЕВЪ, Е. Е. ЛАНСЕРЕ, О. И. ЛЕВИЦКІЙ, В. Г. МАЛАХІЕВА-МИРОВИЧЪ, С. И. МАСЛОВЪ, Д. М. МАРГОЛИНЪ, А. А. МУРАШКО, В. П. НАУМЕНКО, АКАДЕМИКЪ М. В. НЕСТЕРОВЪ, ПРОФ. Г. Г. ПАВЛУЦКІЙ, ПРОФ. В. Н. ПЕРЕТЦЪ, ПРОФ. Н. И. ПЕТРОВЪ, АКАДЕМИКЪ Н. К. РЕРИХЪ, К. А. СОМОВЪ, ПРОФ. Ф. И. ТИТОВЪ, С. Г. ЭСТРИНЪ И ДРУГІЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ: НА ГОДЪ—8 РУБ.,
ЗА ГРАНИЦУ—10 РУБ.,
ОТДѢЛЬНЫЙ НОМЕРЪ—1 РУБ.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА: КІЕВЪ, ПУШКИНСКАЯ, 4.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: КІЕВЪ, КРЕЩАТИКЪ, 29, Л. ИДЗИКОВСКІЙ,
ВЪ МАГАЗИНАХЪ КРАСНАГО КРЕСТА: С.-ПБ., МОРСКАЯ, 38; МОСКВА,
Б.-ЗЛАТОУСТИНСКІЙ, 6.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ В. С. КУЛЬЖЕНКО.

ДРУГІЕ ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

- 1) „Elegia Alexii“ —
стих. Т. Прокоповича. (Записки Н. Т. в Київі“ 1909 г. кн. IV).
- 2) „Epitaphius Metropolitae Barlaamo Jasinski“ —
стихотв. Т. Прокоповича (Русскій Филол. Вѣстникъ 1910 г. кн. 3—4).
- 3) „Изъ исторіи перевода Евангелія въ Южной Россіи въ XVI вѣкѣ: —
Льтовское Евангеліе“. (Печатается въ „Чтеніяхъ Историч. Общ. Нестора
Лѣтописца“ за 1910 г. кн. 3).
- 4) „Критическія и палеографическія замѣтки о Пересопницкой рукописи“.
(Печатается въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1911 г.).

П и/08

B 15914

283
11